

УДК 340

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ

© **Антон Петрович БИБАРОВ-ГОСУДАРЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра теории
и истории государства и права, e-mail: bibarov@yandex.ru

Раскрыта правовая природа юридической фикции. Дана общая характеристика понятия «правовая фикция», отмечено многообразие подходов к данной категории. Сделан вывод о том, что юридическая фикция – это особый правовой феномен, благодаря которому констатируется условная реальность. Тем не менее фикция может содержать и долю реальной действительности. Дано определение юридической фикции, под которой предлагается понимать универсальный прием юридической техники, используемый в исключительных случаях на стадиях правотворчества и правоприменения, состоящий в признании существующим заведомо не существующего факта или, наоборот, обладающий императивностью и выполняющий роль юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности. Описаны признаки национального достояния сквозь призму теории фикции. Рассмотрены преимущества теории фикции в объяснении природы национального достояния, а также признаки «принадлежность народу» и «неотчуждаемость». Обоснована позиция, что достояние также формально, принадлежность его народу относительна, как впрочем и признание его общепризнанности. Доказано, что национальное достояние – это достаточно эффективное для права понятие, содержание которого раскрывает цели законодателя четко указать на значимость для государства и общества того или иного объекта окружающего мира.

Ключевые слова: национальное достояние; юридическая фикция; уникальность; принадлежность народу; неотчуждаемость; объективная истина; правоприменение.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-163-167

Юридическая фикция используется и на уровне формирования и развития правовых конструкций, и на уровне правотворческой деятельности, и на уровне правореализации. Необходимость же использования фикций в механизме правового регулирования вызвана особенностями правового познания и развития, а также спецификой правового отражения действительности. Правовая реальность как особый вид реальности обладает особыми средствами отражения действительности и переложения ее на язык права. В качестве одного из таких «инструментов» выступает юридическая фикция. Фикция – институт, широко применяемый в российском праве (от лат. *fictio* – выдумка, вымысел, несуществующее положение). Отметим, что определение правовой фикции законодателем не сформулировано. Однако имеется немалое количество дефиниций этого понятия, предложенных учеными права. Так, В.М. Горшенев определяет фикцию как «закрепленное в правовых актах и используемое в юридической практике нормативное предписание в виде специфического способа (приема), выражающегося в провозглашении существующего факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места» [1].

О.А. Курсова определяет фикцию «как средство юридической техники, при помощи которого конструируется заведомо несуществующее императивное нормативное положение (отношение или состояние), признаваемое существующим и выполняющее роль недостающего юридического факта» [2].

Юридическая фикция была известна еще римскому праву. Хотелось бы отметить, что основным назначением преторских фикций являлось, прежде всего, восполнение пробелов в неурегулированных общественных отношениях. Кроме того, следует согласиться с Р.К. Лотфуллиным в том, что фикции в Древнем Риме выступали как «средство юридической экономии» [3].

В настоящее время наблюдается повышенный интерес ученых-правоведов к рассмотрению вопроса о юридической фикции, в связи с чем кратко рассмотрим основные концепции юридических фикций.

Первая традиционная теория признает фикцию как особый прием нормотворчества (В.К. Бабаев, Е.Ю. Марохин, Е.В. Салогубова). Данный прием юридической техники, по мнению сторонников этой концепции, реализуется как на стадии правотворческой дея-

тельности, так и в правоприменительной практике.

Основной задачей законодательной техники является наиболее полное отражение действительности, которая затем должна быть урегулирована правом в виде готового нормативно-правового акта. В связи с этим можно сделать вывод о том, что фикция в данном случае выступает исключительным приемом законодательной техники, т. к. в отличие от других она подменяет действительность, т. е. за существующее мы признаем несуществующий факт и наоборот.

Считаем целесообразным отметить позицию профессора С.С. Алексеева в том, что фикции нужно рассматривать как средство, а не прием законодательной техники, т. к. данная формулировка будет являться более четкой. Так, по его мнению, фикции – «своего рода связки в нормативном материале, обеспечивающие оптимальное функционирование правовой системы».

Фикцию как норму права предлагает рассматривать О.А. Кузнецова. По ее мнению, фикция должна приобрести статус правовой нормы как некая гарантия, т. к. в случае нарушения применения фикции вышестоящая судебная инстанция не сможет изменить или отменить решение, т. к. та не является нормой права. Следует согласиться с данной позицией в том, что фикция рассматривается нормой права, следовательно, имеет юридическую силу.

На основании проведенного краткого анализа изложенных выше концепций следует сделать вывод о том, что юридическая фикция – это особый правовой феномен, благодаря которому констатируется условная реальность. Тем не менее фикция может содержать и долю реальной действительности. Следует признать и то, что само признание какого-либо факта, явления, действия или состояния фикцией влечет сознательное отмежевание от их вероятности.

Специфика правовой фикции заключается в том, что предписание, сформулированное при помощи такого приема, закрепляется в правовой норме и охраняется правом. Именно фиктивные положения принимаются во внимание законодателем и учитываются при выработке правил, содержащихся в тех или иных нормах. Иными словами, если регламентации подвергаются общественные от-

ношения, подводимые под понятия фиктивных, то правовые нормы непосредственно воспринимают фиктивные положения, которые таким образом включаются в правовую материю как отражающие определенные закономерности, с точки зрения законодателя. В таком виде правовые фикции становятся общеобязательным правилом поведения, упрощают процесс правового регулирования общественных отношений, делают его более логичным. В результате не только отдельно взятая правовая норма, но и право в целом приобретает черты фиктивности, но эта фиктивность вполне оправдана, т. к. показывает наличие дополнительных возможностей права как общественного регулятора. Фикции делают право более гибким и более способным корректировать общественные отношения [4].

На основе обзора имеющейся литературы согласимся с мнением Е.С. Даниловой, которая предложила следующее определение юридической фикции – это универсальный прием юридической техники, используемый в исключительных случаях на стадиях правотворчества и правоприменения, состоящий в признании существующим заведомо не существующего факта или наоборот, обладающий императивностью и выполняющий роль юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности [5].

Категория «национальное достояние», по нашему мнению, является типичной юридической фикцией. Данный вывод продиктован следующими аргументами. Но прежде напомним, что национальное достояние – это принадлежащая народу универсальная совокупность определенных неотчуждаемых материальных, духовных и интеллектуальных ресурсов и ценностей, имеющих общенациональное значение, признанных обществом уникальными [6].

Во-первых, для аргументации озвученной позиции обратимся к признакам юридической фикции и соотнесем их с национальным достоянием:

а) правовая фикция формальна. Фикция выступает в качестве формального доказательства, что способствует упрощению правоприменения. При использовании правовой фикции не имеет никакого значения установление объективной истины. Национальное достояние также формально, принадлеж-

ность его народу относительно, как впрочем и признание его общепризнанности;

б) правовая фикция неопровержима, т. е. положения не могут быть опровергнуты в силу их императивности, притом в этом нет никакого значения. Неопровержимый характер юридической фикции позволяет отграничивать ее от такой смежной юридической категории, как презумпция. Национальное достояние по своему духу также императивно, т. к. провозглашенные им объекты окружающего нас мира признаются таковыми в силу закона;

в) в основе правовой фикции лежит заведомо ложное положение, признаваемое истиной, т. е. предположение изначально неистинное, закрепленное законодателем с целью внесения определенности в общественные отношения. Национальное достояние в этой части, по сути, ложное понятие в силу слишком общих характеризующих его признаков, хотя содержание его вполне реальное и определенное. Признаками национального достояния принято считать универсальность, уникальность, неоценимость, неотчуждаемость, принадлежность народу. Раскроем их содержание:

1) универсальность. Под национальным достоянием необходимо понимать чрезвычайно широкий спектр разнородных объектов материального и духовного мира. Они носят разносторонний, всеобъемлющий характер;

2) уникальность. Объекты национального достояния характеризуются исключительностью, присущими лишь им особенностями, единственными в своем роде. Исключительность достояния выражается в неповторимости объекта, а следовательно, в его наивысшей ценности;

3) неоценимость достояния. Национальное достояние государства оценить в полной мере не представляется возможным ввиду отсутствия объективных критериев оценки стоимости интеллектуального труда и тем более духовного и культурно-исторического наследия;

4) неотчуждаемость. Объекты национального достояния не могут служить предметом каких-либо экономических и внешне-торговых сделок, а сами объекты могут использоваться лишь в той мере, в которой не-

возможно проявление какой-либо угрозы для их существования;

5) принадлежность народу. Данный признак раскрывает саму идею достояния как национального, т. е. принадлежащего нации, а применительно к России – всему многонациональному народу.

Эти признаки сами фактически являются правовыми фикциями, пусть прямо и не закрепленными в законодательстве, т. к. носят предположительный характер, возведенный до уровня признания и допустимости их существования;

г) правовая фикция характеризуется исключительностью, т. к. данная категория применяется в таких ситуациях, когда другими способами и средствами невозможно достичь законодательной цели. Эту исключительность не следует путать с таким признаком национального достояния, как уникальность. Основная причина в том, что исключительность в случае с объектами национального достояния выражается в неповторимости объекта, т. е. характеризует его физические свойства. Попутно этот признак порождает его неоценимость. В случае с правовой фикцией исключительность скорее характеризует условия ее порождения – т. е. обстоятельства должны сложиться таким образом, что приходится использовать условные факты;

д) юридическая фикция закреплена в норме права, следовательно, обладает общеобязательностью. Так, в ст. 10 Конституции СССР 1977 г. было указано «Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир в их естественном состоянии являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории, находятся в ведении Советов народных депутатов и предоставляются для использования гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям» [7]. В действующем законодательстве категория «национальное достояние» рассматривается в различных вариантах – в законе РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» под достоянием понимается совокупность культурных ценностей, а также организации, учреждения, предприятия культуры, которые имеют общенациональное (общероссийское) значение и в силу этого безраздельно принадлежат Российской Федера-

ции и ее субъектам без права их передачи иным государствам и союзам государств с участием Российской Федерации [8]. Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» гласит, что языки народов Российской Федерации – национальное достояние российского государства [9]. Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4973-1 «О зерне» провозглашает, что зерно является национальным достоянием Российской Федерации, одним из основных факторов устойчивости ее экономики [10]. Законодательство знает множество и иных примеров использования категории «национальное достояние» в самых различных отраслях права – уголовном, гражданском, земельном, экологическом праве.

Так что же порождает фиктивность данной категории? Отчасти мы обозначили признаки юридической фикции и соотнесли их с национальным достоянием. Очевидно, что объекты достояния даже по отдельности представляют собой самодостаточные категории. Но вместе с этим также очевидно, что принадлежность народу лишь провозглашается, а на самом деле собственником является государство. В частности, в ст. 3 «Основ законодательства СССР и союзных республик о земле» было указано, что земля является достоянием народов, проживающих на данной территории. Из вышеприведенной нормы вытекает, что советское государство признавало право народа, проживающего на соответствующей территории, на использование земли, т. е. закрепило общность земельных ресурсов, их абсолютную публичность. При этом земля, не находясь в собственности народа, являлась его неотъемлемым достоянием. Однако термин «достояние» означает имущество, собственность. В этой связи возникает вопрос: каким образом земля в советский период могла быть достоянием народа (фактически его собственностью), если весь земельный фонд был объявлен собственностью государства? Кроме того, говорить о народе как о субъекте права собственности на землю в строго юридическом контексте, на наш взгляд, весьма затруднительно, поскольку не совсем понятно, как данный «субъект» будет реализовывать свои права (природа которых все же тяготеет к частноправовому характеру), да и сами границы (пределы осуществления) права не ясны.

Думается, что в этом явном противоречии проявляется юридическая фикция категории «национального достояния» применительно к отношениям землепользования, поскольку появляется правовая конструкция, при которой земля является одновременно общей собственностью народа и находится в собственности государства фактически. Стоит отметить, что, по нашему мнению, в данном случае «народ» и «государство» не синонимичные понятия, как бы к этому и не стремилось в своей декларативности законодательство советской поры. Конечно следует признать, что фактически ряд материальных компонентов достояния отличаются многообразием форм собственности на них – это в первую очередь объекты природной среды и некоторые объекты культурного достояния. Но в любом случае, Конституция РФ в ст. 9 установила, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Фикцией делает национальное достояние также его неотчуждаемость. Данный признак скорее создает предпосылки для дополнительных ограничений в сфере использования благ от объектов достояния. Но как только такой объект выпадает из сферы влияния государства, в т. ч. и незаконным путем, то объект национального достояния вполне может быть предметом сделок.

Как видно, законодатель прочно и давно применяют юридическую фикцию «национальное достояние». Основная причина – национальное достояние – это достаточно эффективное для права понятие, содержание которого раскрывает цели законодателя четко указать на значимость того или иного объекта для государства и общества. Эффективность правовой категории – это и есть способность применяемого в отношении конкретного правового института или отношения терминологического аппарата отражать его сущность и тем самым содействовать достижению заданной при обосновании данного термина конкретной цели. Категория «национальное достояние» является уникальной для правовой науки, отражает суть правового явления – специальный правовой режим или вид публичной собственности и

его значение, кроме того она адаптирована к общественной мысли.

1. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113-118.
2. Курсова О.А. Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
3. Лотфуллин Р.К. Юридические фикции в римском гражданском праве // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 2. С. 44-48.
4. Саркисян Л.Р. Юридические фикции в правоприменительной практике // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 454-462.
5. Данилова Е.С. К вопросу о понятии, классификации и значении юридических фикций // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 112-118
6. Бибаров-Государев А.П. Национальное достояние и национальные интересы: взаимодействие категорий // Государственное управление, право и политология – 2014. Брянск, 2014. С. 11-14.
7. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: закон РФ от 9.10.1992 г. № 3612-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
9. О языках народов Российской Федерации: закон РФ от 25.10.1991 г. № 1807-I // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1991. № 50. Ст. 1740.

10. О зерне: закон РФ от 14.05.1993 г. № 4973-1 // Российская газета. 1993. 29 мая.

1. Gorshenev V.M. Netipichnye normativnye predpisaniya v prave // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1978. № 3. S. 113-118.
2. Kursova O.A. Fiktsii v rossiyskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2001.
3. Lotfullin R.K. Yuridicheskie fiktsii v rimskom grazhdanskom prave // Byulleten' notarial'noy praktiki. 2006. № 2. S. 44-48.
4. Sarkisyan L.R. Yuridicheskie fiktsii v pravoprimenitel'noy praktike // Yuridicheskaya tekhnika. 2012. № 6. S. 454-462.
5. Danilova E.S. K voprosu o ponyatii, klassifikatsii i znachenii yuridicheskikh fiktsiy // Yuridicheskaya nauka. 2014. № 3. S. 112-118
6. Bibarov-Gosudarev A.P. Natsional'noe dostoyanie i natsional'nye interesy: vzaimodeystvie kategoriy // Gosudarstvennoe upravlenie, pravo i politologiya – 2014. Bryansk, 2014. S. 11-14.
7. Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR. 1977. № 41. St. 617.
8. Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture: zakon RF ot 9.10.1992 g. № 3612-I // Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF. 1992. № 46. St. 2615.
9. O yazykakh narodov Rossiyskoy Federatsii: zakon RF ot 25.10.1991 g. № 1807-I // Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RF. 1991. № 50. St. 1740.
10. O zerne: zakon RF ot 14.05.1993 g. № 4973-1 // Rossiyskaya gazeta. 1993. 29 maya.

Поступила в редакцию 2.08.2015 г.

UDC 340

NATIONAL PROPERTY AS A LEGAL FICTION

Anton Petrovich BIBAROV-GOSUDAREV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Theory and History of State and Law Department, e-mail: bibarov@yandex.ru

The legal nature of the legal fiction is revealed. The general characteristic of the concept "legal fiction" is given, the variety of approaches to this category is noted. The conclusion is made that the legal fiction – is a particular legal phenomenon by which notional reality is stated. However, fiction may contain a share of reality. The definition of a legal fiction under which it is proposed to realize a universal acceptance of legal technique used in exceptional cases at the stage of law-making and law enforcement, which consists in the recognition of an existing fact obviously does not exist, or vice versa, which has a mandatory and acting as a legal fact in a situation of uncertainty irreplaceable. Signs of national property through a prism of the theory of fiction are described. The advantages of the theory of fiction are considered to explain the nature of the national heritage, as well as signs of "belonging to the people" and "inalienability". The position that the property also formally belongs to its people with respect, as well, and the recognition of its general acceptance is substantiated. It is proved that the national property is concept, rather effective for the right, content of which opens the purposes of the legislator accurately to point at the importance for the state and society of this or that object of world around.

Key words: national property; legal fiction; uniqueness; affiliation to the people; inalienability; objective truth; right application.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-163-167